

НА СОЛНЕЧНОЙ ПОЛЯНОЧКЕ

Независимая газ. — 1996. — 31 июля —
23-й Фатьяновский праздник в Вязниках

С.Ф.

Сергей Федякин

Песня

СНАЧАЛА дорога: Владимир, Золотые ворота, Успенский собор, чуть позже — Боголюбво, и почти сразу, поодаль — застывший в скромном своем совершенстве храм Покрова на Нерли (древнейшую церковь легко увидеть из окна автобуса, который тянет тебя по бывшей Владимирке). И после — фатьяновские Вязники, высокий берег Клязьмы, ее излучина, вытянутый, весь в кудрявой зелени остров, левее — заливные луга, речная даль. А если посмотреть вправо — туман, который уже ступил в ложбинке, уходящее — наискось просветившее воздух — солнце, сосновый бор и рядом — дорога вдоль высокого берега. Внизу — тихая, зачарованная вода, лодочки на отмели, еще одна — мягко движется по реке, и в ней двое, стар и млад, плывут проверять верши.

Мы живем во времена беспро-

рых люблю и по сей день безумно», но в «наставники» и «поводыри» выбрал Пушкина: «В нем олицетворялось для меня все». Неслучайное признание. Сойти с тропинки подражания «любимцам» и выйти на собственную дорогу — в этом может помочь именно Пушкин, и, быть может, только он, — своей простотой и точностью. Своей редкой способностью словом выразить суть — человека, характера, нации, истории, жизни. И Фатьянову — на этом, пушкинском пути («В большинстве случаев сюжеты песен не выдуманы мною, а увидены в самой жизни») удалось договориться до «формулы». Вспоминаю его песни, или слушая, или просто перечитывая (и часто удивляясь: «Как! И это — тоже Фатьянов!») невольно ловишь фразы, — и протяжные («Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат...», «Майскими, короткими ночами, отгремев, окончились бои...», «Самая далекая, самая желанная...»), и веселые, с «топоточком» («На солнечной поляночке, дугою выгнув бровь...», «Я тоскую по соседству и на расстоянии...»,

звук или тонут в музыкальной пустоте. Поэзия Фатьянова — с магнитом, она притягивала хорошую музыку. «Песню через сердце пропустить надо. Тогда слова сольются с мелодией. Я прихожу к композитору почти с готовой песней. Уже напеваю мелодию. Он только разрабатывает ее...» Можно ли верить этому признанию Фатьянова? Василий Соловьев-Седой в первую же встречу с будущим «сотворцом» тоже услышал мелодию в его поэзии:

«...Ко мне подошел солдат в кирзовых сапогах — красивый, рослый молодец, с румянцем во всю щеку, назвался Алексеем Фатьяновым, поэтом, прочитал, встряхивая золотистой копной волос, свои песни. Песни мне понравились лиризмом, напевностью, юмором».

Так или иначе, в словах Фатьянова действительно скрыта мелодия — надо ее лишь угадать. И не случайно тот же Соловьев-Седой «Поляночку» переписывал: первая мелодия нравилась слушателям, но она не была угадана, в ней не было той точности, которую требовали слова.

не», актриса Людмила Зайцева, поэты — Лев Ошанин, Николай Мельников, Константин Скворцов — и многие, многие другие). И хорошо, что фатьяновские лауреаты (Николай Мельников и Константин Скворцов — за творчество, Геннадий Каменный — за исполнение фатьяновских песен) получили не унылые красные папки, а роскошные дипломы с росписью, выполненной в знаменитой Мстере. И хороши соловьи из Гусь-Хрустального (вдове поэта, Галине Николаевне Фатьяновой, поэту Александру Боброву, певице Татьяне Петровой) — память и о знаменитой песне, и о самом песенном, «соловьином» даре Фатьянова.

И все же — лишь часть удачи приходится на тех, кто пел, выступал, читал стихи. Лишь часть — на тех, кто организовывал. Атмосферу же всегда создает зритель.

Закрываешь глаза, и в памяти всплывает двадцатое июля, Толмачево: занятые скамейки, множество стоящих вокруг, люди на балконах и в окнах близстоящего дома, мальчишки верхом на не-

На фатьяновской поляночке в День праздника поэзии.

Фото Н. Кочнева

будной книжности: кто пишет под Есенина, кто под Рубцова, кто под Мандельштама и Бродского... Фатьянов вышел не из библиотеки, не из перетирания интонаций и слов любимых поэтов, а из слова живого (фольклора провинциальных городков) и — этой реки, этого воздуха, этой зеленой «вязи» деревьев и кустарников... Не трудно представить, как современный стихотворец, прочитав (и разумеется — только глазами) несколько строк Фатьянова, фыркнет: это лишь тексты песен... Но в том-то и дело, что это не «тексты».

Василий Соловьев-Седой вспоминал об одном фронтовом концерте: госпитальная палатка вместо зала, внутри — ни пошевелиться, ни вздохнуть. Кто не влезался, слушал снаружи. Звучали «Соловьи». «Когда песня окончилась, никто не шелкнулся. Молчал зал, молчала певица, плетью повисли руки аккомпаниатора. И за палаткой стояла тишина. Я повернул голову и был ошеломлен еще больше. В окне палатки я увидел лицо молоденького солдата. По нему струились слезы, прокладывая тонкие белые бороздки на его запыленных щеках».

Автор «Соловьев», конечно, тоже знал пору ученичества («грамоте научился настолько, что стал писать стихи под явным влиянием Блока и Есенина, кото-

«А девушки? — А девушки потом...»), — слова в которых оказались настолько сплетены и увязаны, что их трудно развязать.

В первый день праздника (уха на берегу Клязьмы) Александр Алексеевич Михайлов, словно глядя вглубь своей памяти, начал проговаривать то, о чем думал, наверное, многие годы:

— «Где же вы теперь, грузья однополчане?» — Услышав я это в 46-м, и так точно было передано ощущение. Фатьянову удалось выразить то, что чувствовалось наше, фронтовое поколение. А теперь, когда их, однополчан, почти нет — эти слова обретают совершенно новый смысл.

И как было не почувствовать в этих словах и щемящую боль тех, кто остался, кто жив: однополчане не только уходят, они теперь и границами разделены. («Я тоскую по соседству и на расстоянии», но уже не в комичных куплетах Васи Курочкина, а с трагическим дребезжанием разбившегося на «подсмыслы» звука.) Алексей Фатьянов произнес строки, которые сумели выразить все тогда, в 46-м, и смысл которых время — половина века! — лишь усилило.

Искусство песни — трудное искусство. Не всегда хорошая музыка способна найти достойные ее слова. Еще чаще — замечательные слова увязают в толкотне

«Облакая приятным тенорком, он охотно пел»... «Был впечатлительный, восторженный. После концертов он долго не мог успокоиться: все удивлялся, восхищался или отвергал»... «Гром аплодисментов в концертном зале и — репутация «поэта без книги...», «...не мог радоваться в одиночку», «мало обращал внимания на здоровье»... Характеристики современников и очевидцев собираешь по осколочкам, чтобы понять загадку Фатьянова. И — убеждаешься в бесплодности этих усилий.

Найдя свое мелодическое звучание, поэзия Фатьянова стала притягивать всех: певцов, актеров, слушателей; обрела способность рождаться вторично — в названиях, в премиях, в Вязниковском празднике, и — диктовать: Алексей Фатьянов появился на свет в марте, но Фатьяновский праздник может проходить только летом, а его концертная кульминация — только под открытым небом, на «солнечной поляночке».

Нынешний, 23-й фатьяновский праздник в Вязниках, организованный СП России, был более чем удачен. Можно долго перечислять выступавших и отличившихся (певицы и певцы — Татьяна Жданова, Анна Литвиненко, Татьяна Петрова, Артур Эйзен, Геннадий Каменный, Владимир Крючков, Эдуард Лабковский, ансамбли «Реликт», «Светозар», «Россия-

достроенной стене напротив сцены. До начала концерта не более пяти минут. И рядом со сценой две бабушки отплясывают «Яблочко» под баян Геннадия Каменного. Другой район: зрители, замороженные не только голосом, но и жестами Артура Эйзена. А следом — уже двадцать первое, большой концерт, зрители-слушатели на «солнечной поляночке»: погода менялась ежеминутно, их несколько раз «прохвывало» дождем и тут же «жарило» солнцем, они же, не трогаясь с места, то снимали пиджаки, то одевались и раскрывали зонтики.

Есть странная сила в воспоминаниях очевидцев, когда из уст стариков ты слышишь рассказы о том, что для твоего поколения — история. Величина события видна на расстоянии, а здесь — и значительность, и близость.

То же — со словом. Сила его — и в тех смыслах, которые оно обретает со временем, «вытягивая» их из жизни. И потому гибель поэта — бросает новый отблеск на произнесенные им некогда слова, обостряя их смысл, их «многомыслие». И потому «крылатые выражения» живут вне воли их создателей. И так же — песни. Фатьянов ушел из жизни в 1959-м, когда ему было только сорок. Его песни — живут своей судьбой.